

ЖЕЛЕЗЫ НАПОЛЕОНА

Когда великих людей одолевает зуд

Самый простой вопрос, обращенный к биоистории, гласит: действительно ли, когда одного великого человека одолевает зуд, должны чесаться миллионы? Это отнюдь не произвольная метафора. Многие из нас впервые узнавали о болезнях Наполеона из шуточных или воспринимаемых всерьез историй, будто он всегда держал одну руку засунутой под плащ, чтобы чесаться или дать хоть какое-то облегчение своему больному желудку. Когда я, тогда еще ученик народной школы, слышал эти рассказы, в них речь первоначально шла о вшах или о «царе-желудке». Наполеон действительно страдал от страшного зуда и от деформаций желудка, которые определяли не только его позы.

Сам Наполеон утверждал, что в 1793 году во время осады Тулона он подхватил scabies, очень заразную кожную болезнь, обычно именуемую просто «чесоткой». Но, может быть, он страдал также тяжелым нейродермитом, или нервным кожным зудом, который всю жизнь периодически его одолевал. Следствием этого часто бывает обусловленная стрессом потребность чесаться. Наполеон однажды сказал: «Я живу только моей кожей». Было известно, что он долго расчесывал прыщи на лице, пока они не начинали так сильно кровоточить, что его солдаты задавались вопросом, не ранен ли он. При нервном напряжении он иногда чесал кожу вокруг старой раны на ноге; минимум однажды он расчесал ее так, что хлынула кровь: «чтобы открыть клапан (для предположительно вредных соков)», — сказал Наполеон. Длительные ванны, которые он имел привычку принимать, также могли быть частично рассчитаны на облегчение зуда. Возможно, он избавлялся от стресса и другими способами: в своей книге *Adler's Place in Psychology* Льюис Уэй утверждает, что

Наполеон якобы мастурбировал перед битвой, чтобы хоть немного ослабить чудовищное напряжение.

Бьющая ключом энергия Бонапарта и его жизнь постоянно на грани кризиса вызывали и другие симптомы. У него бывали приступы ярости, истерики, нервный тик, головные боли типа мигрени, бессознательные состояния и приступы бессилия. К этому добавлялся и тайный, расслабляющий симптом, которым, по мнению д-ра Уильяма Обера, объясняется «загадка Ватерлоо» — имеется в виду странная неспособность Наполеона использовать первоначально достигнутый в этой битве перевес. Надо выслушать этот аргумент до конца, прежде чем смеяться над диагнозом, данным после вскрытия в очерке Обера *Seats of the Mighty*: Наполеон мучился от геморроя, который частично несет ответственность за его поражение в битве при Ватерлоо.

Геморрой Наполеона и его нервный зуд часто обострялись накануне и во время битвы, то есть именно тогда, когда солдат традиционно ободряли кличем: «Сжать ягодичцы!» Когда пытаются взять под контроль стресс и частые эмоциональные вспышки, сфинктер при этом судорожно сжимается; длительное напряжение и чрезмерное растяжение при дефекации могут привести к варикозному расширению вен, образованию свищей и другим повреждениям чувствительной аноректальной ткани. Нерегулярное питание, запоры и слишком частые очистительные клизмы — все эти вместе и по отдельности обусловленные войной и кризисами факторы становятся причинами такого рода заболеваний или обостряют их. Если 25 % всех американцев знают, что такое геморрой и кишечный свищ, то остальные три четверти, не зная, что это такое, относятся к этому с насмешкой, хотя сидеть при этом мучительно, ходьба превращается в пытку, практически любое положение тела, включая положение лежа, неудобно. Жгучие боли сопровождают человека на каждом шагу, отсюда приступы ярости и измождение. Длительные горячие ванны — одно из немногих средств, дающих облегчение при гемор-

рое. Наполеон часто пользовался ушатом — причина была скорее в этом, чем в чесотке.

Наполеон страдал геморроем еще до того, как ему исполнилось тридцать лет; эта болезнь преследовала его до конца его военной карьеры. Во время русского похода у него был страшный приступ, который, возможно, роковым образом повторился в 1815 году. В этом году он бежал с острова Эльба и двинулся через Альпы на Париж; по дороге он пережил один легкий приступ. Когда он строил в Париже планы сражений, боли утихли, но на пути к Ватерлоо 13 июня приступ снова разразился со всей силой. Ехать при геморроидальных болях верхом — такого злейшему врагу не пожелаешь, а Наполеон весь день накануне битвы оставался в седле.

17 июня французы победили в битве при Линьи. Обычно Наполеон сразу развивал успех, но вместо этого он пролежал большую часть ночи без сна, мучась от болей, и встал около восьми утра изможденный и ослабевший. К ужасу его генералов, он за несколько часов не отдал ни одной команды; враждебные войска союзников тем временем навели порядок в своих рядах, и французы утратили свое преимущество. Весь день Наполеон действовал словно под хмельком, порывисто и нерешительно; многие его решения и сегодня остаются загадкой для историков. Однажды по дороге на Брюссель он слез с коня, закрыл руками свое бледное лицо и, трясаясь от боли, прислонился к столбу изгороди, а потом целый час сидел у обочины на табуретке. Веллингтон говорил позже, что Ватерлоо — одна из самых жалких побед, какие он знает. То, что это вообще была его победа, можно приписать измождению Наполеона, его болям и ограниченной мобильности. Д-р Обер говорит: «Историю нельзя переписать, и нет гарантии, что Наполеон победил бы Веллингтона и Блюхера, если бы не страдал от острого геморроидального тромбоза; в дальней перспективе невозможно сохранить империю, опираясь на столь чувствительную и подверженную болезням нижнюю часть тела». В дальней-

шем тексте он цитирует Библию. «Всемогущий свергает властителей с их тронов», но это под силу и геморрою.

Читателю, который сочтет такой взгляд на историю слишком узким, следует вспомнить казус французского короля Людовика XIV. У него было много заболеваний, но больше всего он страдал от геморроя. Он обзавелся им в тридцатилетнем возрасте, а через 15 лет эта болезнь усугубилась отвратительным анальным свищом. Когда его одолевали боли, Людовик был вспыльчивым и гневным, и от этого, соответственно, страдало общественное благо. В конце концов королевскую болячку удалили посредством операции, и после хирургического вмешательства Людовик тридцать лет был в добром здравии и в сравнительно хорошем настроении. (И тогда, как и всегда, были люди, готовые повсюду следовать за своим вождем, и были придворные с соответствующими болезнями, согласные на фистулотомию.) Мы думали раньше, что судьбой человека управляет разум, но великий историк Мишле считал избавление Людовика от хронических ректальных болей поворотным пунктом его царствования. Я, например, не хотел бы иметь правителя с хроническими зубными болями, не говоря уже о ректальном свище.

Тот, кто еще продолжает верить, что конец Наполеона был делом его Немезиды, пусть учтет и еще одну его интимную болезнь. Крики боли, которые часто слышались из ванной Наполеона, вызывались дизурией, то есть затрудненным, по каплям, мочеиспусканием. При жизни Наполеона об этой истории знали лишь немногие, и Наполеон заставил их поклясться, что они сохраняют это знание в тайне, и они хранили ее пятьдесят лет. В девяти-томной биографии Наполеона, которую сэр Вальтер Скотт выпустил в 1827 году, эта болезнь не упоминается, но Виктор Гюго в «Отверженных» двадцать лет спустя рассказывал, что Наполеон на второй день битвы при Ватерлоо страдал от локальных болей и весь день скакал, испытывая страшные боли в мочевом пузыре.

Непосредственно Наполеон почувствовал дизурию уже в 1800 году во время битвы при Маренго. Приступы постоянно повторялись на протяжении всей его жизни, часто в критические моменты. Так, во время битвы при Бородино он с неопишными мучениями выдавил несколько капель мутной мочи. Во время его шестилетнего заключения на острове Св. Елены часто приходилось наблюдать за его безуспешными попытками выпустить жидкость стоя, упершись головой в дерево. Боли были такими острыми, что он не мог проспать и нескольких часов и часто внезапно прерывал беседу. Франческо Антоммарки, своему последнему врачу, он сказал однажды: «Ты знаешь мою уязвимую точку, которая станет однажды причиной моей смерти».

Наполеон скрывал свои проблемы с мочевым пузырем по двум причинам. Во время его брачной жизни с Жозефиной возникли затруднения с зачатием наследника; на протяжении многих лет он болезненно реагировал на все сомнения в его потенции и сексуальном здоровье. Второй причиной был слух, что он вернулся к Жозефине из долгого похода с венерическим заболеванием. Его врачи опровергали этот слух столь же упорно, сколь и тщетно. Разговоры о его венерическом заболевании возобновились, когда союзные комиссары отправили его в изгнание на остров Эльба. Представлявший интересы Пруссии граф Трухзес фон Вальдбург, который бросил этот упрек, мог, узнав о затруднениях Наполеона при мочеиспускании, сделать вывод о венерическом заболевании как их причине. Нет убедительных доказательств того, что Наполеон когда-либо болел триппером или сифилисом, но гипотезы на эту тему периодически возникают и после его смерти. При вскрытии в его мочевом пузыре были обнаружены песок и мелкие камушки — они и были достаточной причиной болей при мочеиспускании.

Дерматит, геморрой и дизурия были не единственными барометрами стресса Наполеона. Доктор Иван, полевой врач Наполеона с 1796 по 1814 год, писал: «Импе-

ратор был человеком в высшей степени нервного склада, очень чувствительным к эмоциональным воздействиям, и у него часто бывали спазмы либо желудка, либо мочевого пузыря». Его желудок и его мочевой пузырь, вероятно, стоили ему нескольких проигранных битв. Когда он в 1813 году под Дрезденом был близок к тому, чтобы обратиться союзников в бегство, боли в желудке и рвота уложили его в постель, главнокомандующего заменили его подчиненные, которые испортили удачное начало. Через два месяца, во время битвы народов при Лейпциге его свалил такой же приступ. Периодически бывали у него и мучительные приступы кашля — может быть, психосоматической природы, а может быть, как следствие туберкулеза в легкой форме или другой легочной инфекции. Имели место и другие внутренние боли. Как свидетельствует Фовле де Бурьенн, секретарь Наполеона, его шеф с 1802 года начал жаловаться на боли в правом боку, стал крайне раздражительным, и (как считает Бурьенн) многие решения Наполеона, вероятно, были искажены их влиянием. Наполеон часто расстегивал свой мундир, опирался о правый подлокотник кресла и кричал от боли. Прижимал он под мундиром какие-то больные места с левой стороны.

Похоже на то, что очагами физических страданий Наполеона были, с одной стороны, печень, а с другой — желудок. Когда он на острове Св. Елены очень сильно заболел и боли в желудке причиняли ему страшные мучения, Наполеон сказал своему врачу, что его отец умер от рака желудка, не дожив даже до сорока лет, и он боится, что болезнь в его семье наследственная. Поэтому он требовал, чтобы результаты его вскрытия были сообщены его сыну. Вскрытие показало, что непосредственной причиной смерти был рак желудка, но до наших дней инакомыслящие выдвигают гипотезы об иных болезнях как о причинах его смерти, а многие даже настаивают на том, что это было убийство.

Вопрос остается актуальным, потому что жизнь, состояние здоровья и смерть Наполеона во все времена по-

лучали политическую трактовку. Так, в последние годы его жизни состояние его здоровья потенциально было пропагандистским взрывчатым материалом. Представим себе, что Гитлер пережил Вторую мировую войну и находится под надзором английских властей и врачей, будучи сосланным на маленький остров в Средиземном море. Враги, сторонники, жертвы нацизма и рассеянные по всему миру крипто-нацисты видели бы в каждом его насморке или в каждом проведенном им в добром здравии дне угрозу или надежду. Мир полнился бы слухами, и повсюду народы видели бы в том, хорошо или неправильно с ним обращаются, жив он или мертв, угрозу или упование. Вероятно, ни одно описание причин его смерти не удовлетворило бы всех. Не иначе обстояло дело и с Наполеоном¹.

Спор зашел уже о самом острове, как только Св. Елена была назначена местом изгнания Наполеона. Многие французы опасались, что Наполеона хотят засунуть в субтропическую чумную дыру, чтобы он там умер по не зависящим от него причинам от действительных или предполагаемых болезней. Папа Пий VII, которого Наполеон однажды арестовал и унижил, просил о его освобождении, потому что он считал «потрескавшийся остров Св. Елены смертельно опасным для здоровья. Бедный изгнанник умрет там медленной смертью». Сэр Вальтер Скотт после назвал место изгнания «дьявольским островом», а его губернатора, сэра Хадсона Лоу, — «наемным убийцей».

Как и следовало ожидать, англичане считали это место изгнания расположенным недалеко от роскошного курорта. Климат там был влажным, но умеренным. Можно было придумать варианты и получше, и похуже. Болезни там были эндемическими, такими же, как в большей части Средиземноморья, а условия жизни — неудобными и негигиеничными. Но для англичан, после того как Наполеон

¹ И поныне в ходу фантастические версии, будто Гитлер остался жив и скрылся не то в Южной Америке, не то в Антарктиде. — *Прим. перев.*

уже однажды сбежал с острова, на который был изгнан, важнее всего было то, что новый остров был маленьким, отдаленным, его редко посещали корабли, так что он и без решеток был самой совершенной тюрьмой для самого знаменитого узника Земли. Наполеона донимали мелочными придирками, и англичане надеялись, что он недолго проживет на Св. Елене, но они не были настолько неловкими, чтобы обращаться с ним явно плохо или неправильно.

Но в 1816 году, на втором году его пребывания на этом острове, у него отекли ноги и стала постоянной тупая боль в правом боку. Доктор Барри О'Мира из Королевского ВМФ поставил диагноз «гепатит» и прописал слабительное и другие бесполезные лекарства. Диагноз доктора О'Мира и его растущее сочувствие Наполеону привели его к конфликту с губернатором Лоу, который в 1818 году арестовал врача и отослал его обратно в Англию. Там О'Мира сделал ряд заявлений, обвинив Лоу в том, что он стремится ускорить смерть Наполеона. О'Мира был уволен из ВМФ. Историки, как правило, не доверяют ему как деструктивному болтуну, считая, что он, возможно, был политически тенденциозен. Но с британской точки зрения его самым тяжелым преступлением было то, что он диагностировал гепатит и этим вложил оружие в руки всех тех, кто утверждал, что Наполеона лечили неправильно. Но шокирующие заявления О'Мира очень скоро зазвучали снова. Состояние здоровья Наполеона оставалось нестабильным, в январе 1819 года он почувствовал слабость и упал в обморок. Джон Стокоу, которого пригласили как врача британского ВМФ, поставил диагноз «гепатит». Лоу пришел в ярость и обвинил врача в медицинском и политическом невежестве. Стокоу вынужден был уйти из ВМФ. Лоу был больше по вкусу один посланец британского Министерства внутренних дел, который назвал болезнь Наполеона не гепатической, а «дипломатической».

В октябре 1820 года, после сравнительно хорошей фазы состояния здоровья, Наполеон после горячей ванны

впал в коллапс. Из-за частой рвоты он становился все более больным и слабым. В марте следующего года британский доктор Арнотт отстранил корсиканского врача доктора Антоммарки. Арнотт подозревал не столько печень, сколько желудок. Через две недели Наполеона вырвало черной слизью — это указывало на кровотечение в желудке. Антоммарки принял грандиозное решение — дать Наполеону сильное слабительное. Пациент после этого свалился от боли на пол, но это не остановило врача. В начале апреля Наполеон жаловался на режущие боли в желудке. Арнотт, как и Антоммарки, прописал слабительное. Сегодня действия обоих врачей вызывают удивление — давать слабительное пациенту, находящемуся в таком состоянии, как Наполеон, кажется злым умыслом, но в то время врачи обычно давали ослабленным или умирающим пациентам слабительное, делали кровопускание или накладывали вытяжной пластырь.

На отчеты о состоянии здоровья Наполеона наложили свой отпечаток политическое давление и медицинское невежество. В начале апреля Арнотт все еще утверждал, что пленник страдает только от диспепсии, и вообще его болезнь скорее психологического происхождения. В то время как Арнотт еще писал об ипохондрии, у Наполеона началась лихорадка, он ослабел, сам подозревал рак желудка в последней стадии и написал новое завещание. 25 апреля его вырвало чем-то, похожим на осадок кофе, — это была просочившаяся кровь, указание на кровоточащую опухоль в желудке, рак или иное критическое состояние пищеварительного канала. 5 мая Наполеон умер. В последнюю неделю его жизни у него были постоянные обмороки и бред.

Наполеон требовал вскрытия, и мир его ожидал². Штаб императора и более дюжины наблюдателей,

² Арнотт свидетельствует, что Наполеон боялся рака; его требование вскрытия было записано Антоммарки; многие авторы ставят под сомнение утверждения обоих. В принципе есть мало надежных свидетельств о последних годах жизни Наполеона. Я в этом пункте склонен доверять Антоммарки и особенно Арнотту. — *Прим. автора.*

в большинстве своем офицеры британской медицинской службы, собрались в бильярдной и наблюдали, как Антоммарки вскрывал труп. Эту операцию нельзя было назвать проделанной основательно, в соответствии со стандартами того времени. В желудке было отверстие, «достаточно большое для того, чтобы просунуть мизинец», но этот орган плотно приклеился к печени, так что это отверстие было заблокировано. Только лицо и икры Наполеона сильно исхудали, что типично для рака желудка; желудочное кровотечение, прободение желудка и, вероятно, воспаление брюшины (все это предположительно усугублялось применением слабительных средств), по всей видимости, избавили Наполеона от долгих страданий. Канцерозный, перфорированный желудок большинство специалистов признает сегодня причиной смерти Наполеона.

Британское правительство и сэр Хадсон Лоу обрадовались бы, узнав, что могут утверждать, что Наполеон умер от той же болезни, что и его отец и многие его родственники. Однако небольшое, но значительное меньшинство врачей и историков утверждает иное: больше, чем многочисленные болезни, довела его до смерти злоумышленная небрежность лечения, граничащая с настоящим убийством. Их взгляды колеблются между серьезными научными теориями и политической тенденциозностью.

Мнимый гепатит, диагноз, который погубил карьеру двух врачей британского королевского ВМФ, называется причиной смерти Наполеона почти столь же часто. При вскрытии Антоммарки исследовал и разрезал печень Наполеона и заявил, что она переполнена кровью и увеличена, но в ней нет гнойных или канцерообразных опухолей. Доктор Шорт, один из присутствовавших при вскрытии британских врачей, утверждал, что печень была «очень велика, кровоточила... и поражена хроническим гепатитом». Доктор Арнотт и три других английских врача с этим не согласились. Губернатор Лоу приказал исключить мнение Шорта из официального отчета о вскры-

тии, и официально печень характеризовалась: «может быть, немногим бóльшая нормальной».

Мнение Шорта было позже воспроизведено, так как Антоммарки писал в своих воспоминаниях, что печень действительно была поражена хроническим гепатитом, и Наполеон умер от хронического воспаления желудочно-желудочного тракта, вероятно, от амебной дизентерии, болезни, обычной на острове Св. Елены. Сегодня задают вопрос, врал ли Антоммарки в своем отчете о вскрытии, чтобы защитить этот остров и англичан, или он говорил неправду позже, чтобы оправдать свое невнимание к симптомам рака. О'Мира и другие писали, что остров Св. Елены славился желудочно-желудочными заболеваниями, но сэр Вальтер Скотт, который посетил этот остров всего через несколько лет после смерти Наполеона, не нашел в местной больнице ни одного отчета о такого рода больных. Многие французские историки утверждают, что эти отчеты легко можно было переделать.

Тем не менее многие авторы утверждают, что остров Св. Елены — действительно болото, рассадник гепатита и дизентерии, и что медицина там была на низком уровне. Французский врач Р. Брис и американец Ральф Корнголд писали вскоре после этого, что Наполеон умер от амебного гепатита, вызванного абсцессом печени. Французский врач Аббатуччи дул сразу в обе трубы: «Наполеон умер от последствий усугубленного амебной дизентерией абсцесса печени». Многие из этих авторов склонны изображать Наполеона жертвой или мучеником, но встает вопрос, каким образом роковой абсцесс мог не броситься в глаза тем, кто наблюдал за вскрытием. Собственно, речь идет о том, не англичане ли со злым умыслом напустили на Наполеона амеб, которые его ослабили, а возможно, и убили.

Многие обвинения еще тяжелее. К ним относится и предъявленное самим Бонапартом в написанном за несколько недель до его смерти завещании: «Я умираю безвременно, убитый английской олигархией руками наем-

ного убийцы. Английский народ не замедлит отомстить за меня». Как и большая часть завещания, это умышленный выпад — Наполеон любил политическую драматизацию. В этом завещании выражается также вера в Церковь, которую он лично отрицал, и говорится о верности жене, которая уже была возлюбленной другого. Тем не менее прямое обвинение в убийстве с помощью яда впервые прозвучало в 1962 году на основе доказательств, исшедших от самого Наполеона.

В своем завещании умирающий император велел обрить ему голову и раздать локоны членам его свиты. Двое его служителей сохранили эти волосы, и через почти полтора года с ними провел лабораторные опыты Свен Форсхувуд, интересовавшийся токсикологией шведский зубной врач. Обнаружив высокое содержание мышьяка, Форсхувуд предположил, что мышьяк мог накапливаться незаметно, небольшими дозами, пока не накопилось смертельное для организма количество. Внутренние органы быстро сгнили, с волосами и ногтями дело обстояло иначе: в них сохранилось определенное количество принятого человеком мышьяка, яд можно было обнаружить через десятилетия и даже через столетия. Форсхувуд предположил, что Наполеон умер от умышленного или случайного отравления мышьяком. Он не исключал случайность, так как во времена Наполеона мышьяк широко использовался в медицине. Эта теория после ее опубликования привлекла большое внимание во всем мире, но убедила лишь немногих.

Через пару десятилетий теория Форсхувуда снова привлекла большое внимание. Он от нее не отрекся, а двое авторов написали на основе его работ популярную книгу (Бен Вайдер и Давид Хэпгуд «Убийство Наполеона», 1983 год). Форсхувуд передал волосы Наполеона, разрезанные на небольшие отрезки, на исследование специалистам, чтобы определить хронологию приема мышьяка. В конечном счете он пришел к выводу, что Наполеон на медленно и систематически отравлял кто-то из его

свиты, но по заданию не англичан, а французских роялистов. Доказательством этого тезиса Форсхувуд считал якобы скоординированные старания французских ученых помешать его исследованиям.

Когда книга «Убийство Наполеона» с этими подробностями вышла в оригинале в 1982 году, часть критиков говорила о шедевре судебной медицины, о том, что удалось раскрыть преступление, совершенное полтора столетия назад. Но реакция ряда ученых была не столь положительной. Трое ученых, которые исследовали волосы Наполеона, нашли содержание в них мышьяка лишь немного повышенным, зато обнаружили много сурьмы. Наличие этого металла, во времена Наполеона широко применявшегося в медицине, могло при лабораторных опытах быть ошибочно истолковано как присутствие мышьяка. Один из этих ученых, доктор Питер Левин из Торонто, пришел к выводу, что теорию об убийстве с помощью яда следует похоронить, поскольку данные вскрытия бесспорны. Английский химик Дэвид Джонс из университета в Ньюкасле на Тайне исследовал кусок обоев из комнаты, в которой умер Наполеон, и обнаружил в них высокое, но не смертельное содержание мышьяка. То, что организм до или после смерти мог вступать в контакт с мышьяком из окружающей среды, давно уже было одной из трудностей, мешавших обнаружить отравление при вскрытии. Так что остается в силе концепция: содержание мышьяка в волосах Наполеона было высоким, но не смертельным, и не может служить доказательством убийства с помощью яда.

В пользу гепатита, дизентерии, яда или неправильного лечения в качестве причин смерти говорит, по моему мнению, меньше аргументов, чем можно привести против. Есть еще одна теория, грандиозная и интеллектуально привлекательная, она появилась десять лет назад, была встречена благожелательно и решает проблему многих болезней Наполеона. В статье в нью-йоркском журнале *State Journal of Medicine* доктор Уорднер Д. Айер рассматривает рак желудка как причину смерти, но для объ-

яснения гепатита, дизурии, геморроя и много другого указывает на еще один источник зла: шистосомиаз, или бильгарциоз, болезнь, которую обнаруживают при вскрытии мумий фараонов. Может быть, Наполеон заразился этой болезнью во время своей египетской авантюры.

Эта вызываемая паразитами болезнь сокращает в тропических и субтропических зонах жизни сотен миллионов людей — в последнее время она поразила 90 % черных родезийцев и четверть туземцев Пуэрто-Рико и других островов Карибского моря. Возбудителями болезни являются трематоды (сосальщики), микроскопические живые существа, промежуточными хозяевами которых служат улитки, живущие в болотах и оросительных каналах. Их личинки ввинчиваются в человека, который купается или работает в таких водах, проникают через кожу в кровеносные сосуды, поражают печень, легкие, внутренности, особенно прямую кишку и уrogenитальный тракт. Там они откладывают миниатюрные колючие яйца, из которых вылупляются поколения новых паразитов, которые, со своей стороны, вызывают множество симптомов, слабость и подверженность другим заболеваниям. Описания этой болезни найдены в египетских папирусах трехтысячелетней давности. Марк Арман Рюффер, один из первых биоисториков, сообщил в 1910 году, что он вскрыл шесть мумий 20-й династии и в двух из них нашел обызвествленные яйца шистостомы. Причина этой болезни была впервые обнаружена в 1851 году берлинским врачом, доктором Теодором Бильгарцем. По имени открывателя ее называют бильгарциозом, по имени возбудителя — шистосомиазом. Английские солдаты в Африке называли ее «Билл Харрис», а наполеоновские солдаты — «египетским кровавым мочеиспусканием».

Наполеон в 1798–1799 годах провел в Египте шестнадцать месяцев. Поскольку он уже тогда принимал длительные ванны, он мог искупаться в зараженной воде. В итоге у него проявилась большая часть обычных симптомов — жгучие боли при мочеиспускании, увеличенная

печень, боли в правом боку, геморрой, сыпь на коже, отеки лодыжек, сухой кашель и песок в мочевом пузыре. Если не считать геморроя, все эти симптомы появились после его возвращения из Египта. Насколько нам известно, у него, кроме гематурии, были обнаружены все основные симптомы. Периодический кашель и обнаруженные при вскрытии так называемые туберкулы в верхней части левого легкого также могли быть следствием бильгарциоза. Кашель во времена Наполеона не побуждал подозревать туберкулез, но доктор Айер указывает на то, что твердые, колючие яйца шистосомы могут вызывать изменения тканей, похожие на туберкулезные бугорки. Чтобы узнать точно, нужны микроскопические исследования, но симптомы, которые наблюдали у Наполеона на протяжении двадцати лет, можно считать вызванными и бильгарциозом.

Тем самым можно оставить Наполеона самого по себе на столе для вскрытия со всеми теориями об отравлении ядом, геморрое и паразитах, но останется еще один медицинский вопрос, гораздо более важный, чем причина его смерти. Я имею в виду драматические изменения его внешности, его личности и его жизненной силы, которые стали заметными, когда его возраст приближался к сорока годам. Наполеон влиял на свое время больше, чем кто-либо другой, а на его качества как руководителя влияли, со своей стороны, изменения его состояния здоровья и его характера, которые портились. Тем самым мы снова возвращаемся к первоначальному вопросу о железах Наполеона.

В молодости Наполеон был стройным, тоненьким, физически и духовно очень выносливым. Как и все люди, стремящиеся к высшей власти, он обладал чудовищной энергией, он мог, до крайности сосредоточившись, работать интенсивнее и дольше, чем большинство людей и заботиться о множестве деталей. Часто он спал ночью лишь несколько часов, а за весь день мог иногда лишь ненадолго вздремнуть. Он был не только военачальником, испытанным в битвах, но обладал бьющей ключом

интеллектуальной и эмоциональной жизненной силой, был гибким тактиком, мастером логистики, политиком, законодателем, повелевал как массами, так и отдельными личностями. Наполеон был хладнокровным, шикарным и обладал выдающимся театральным талантом, начиная со взрывов ярости, в которую он мог впасть умышленно, чтобы, если понадобится, сразу снова успокоиться, и кончая шармом, который привлекал к нему не только почитателей, но и обожателей.

В тридцать шесть лет, в 1804 году, Наполеон стал императором. В течение следующих сорока лет он быстро менялся. У него пополнело лицо, руки стали мясистыми, волосы редкими и шелковистыми, наметилось брюшко. Его чувство «величия» выражалось в зависимости от его взрывчатого темперамента, который становился все хуже по мере утраты самодисциплины. Его приближенные льстили его честолюбию и боялись приступов его гнева. Ловкий Талейран отдалился от него, он видел, что звезда Наполеона уже закатывается. Наполеон становился все более сварливым, но иногда впадал в летаргию и терял способность сосредоточиться. Во время похода в Россию его военный министр Карно писал: «Я его больше не узнаю. Раньше он был худым, сдержанным и спокойным, теперь он стал жирным и болтливым. Он сонлив, его мысли непостоянны. Он человек быстрых решений, который не слушал ничьих советов, теперь только говорит вместо того, чтобы действовать, и спрашивает у других их мнения». Это был именно тот Наполеон, который проиграл битву при Ватерлоо.

Эти изменения несколько десятилетий приписывали ухудшению функций щитовидной железы. Но ее чрезмерной активности недостаточно для того, чтобы кто-нибудь, узнав об этом, отказался от своего восхищения энергией и гением Наполеона. И его изменения в середине жизни не соответствуют клинической картине микседемы после нарушения функций щитовидной железы; к тому же их тяжелые нарушения обычно постоянны или прогрессируют,

а изменения характера Наполеона и его внешнего вида были прерывистыми, атипичными. В первой половине нашего века, в эпоху великих открытий и ожиданий в области эндокринологии было дано много объяснений на основе нарушений баланса гормонов. От версии щитовидной железы в целом отказались; нельзя не сказать о других, еще более драматических гипотезах.

Самые упрямые приверженцы этих теорий основываются на наблюдениях Уолтера Генри, одного из английских врачей, присутствовавших при вскрытии Наполеона. Он писал, что Бонапарт был очень жирным, его тело — бледным и нежным, на нем почти отсутствовал волосистой покров. «Лобок, — писал он позже, — очень напоминал женский бугор Венеры. Мышцы груди были развиты слабо, плечи были узкими, а бедра широкими, пенис и яички очень маленькими; весь половой аппарат физически свидетельствовал об отсутствии какого-либо полового влечения и об аскетизме, следствием того и другого была бледность».

Почти сто лет спустя, в результате прорыва в знаниях о воздействии половых гормонов и гормонов роста и на основе описания Генри был поставлен новый диагноз. Доктор Леонард Гатри, лондонский невролог, заявил в 1913 году, что у императора была болезнь Фрелиха (*Dystrophia adiposo-genitalis*). Имеется в виду недостаточное функционирование гипофиза, придатка мозга, который управляет большей частью эндокринной системы и влияет на рост, сексуальность и эмоциональную жизнь. В тяжелых случаях физическое и сексуальное развитие прекращается, происходит ожирение тела, уменьшение умственных способностей и упадок физической и духовной энергии. Британский уролог Дж. Кембл утверждал, что у Наполеона были «недоразвитые гениталии». Доктор А. Кабанес называл Наполеона, ссылаясь на его корпуленцию, шелковистые волосы и мясистые руки, «гипофизным евнухом».

Другие шли дальше. Сэр Деррик Данлоп называл описание Наполеона «замечательным изображением молодого евнухоида или больного болезнью Клинефельтера». Синдром этой болезни — генетическая ненормальность, часто с детства, очень слабое «либидо», бесплодность и женоподобный внешний вид. И сегодня многие авторы утверждают, что первоначально сверхактивный гипофиз был причиной взлета Наполеона, а когда он выгорел, исчерпался, выработка гормонов приостановилась, следствием этого были ожирение, импотенция, плохие настроения и отупение. Другие утверждают, что деятельность была ему необходима, чтобы компенсировать физические недостатки, в частности, сексуальные.

Поиск доказательств того, что у Наполеона были «недоразвитые гениталии» и столь же недоразвитые половые железы, приводит к нагромождению неясностей. Сначала к наблюдениям Генри относились с осторожностью — слишком явной была погоня за сенсацией. Делая упор на телосложении Наполеона, он писал: «Все тело было хилым и феминизированным». Он явно старался всеми-всеми возможными средствами создать впечатление недостаточной мужественности. Но вставал вопрос, учитывал ли он вообще тот факт, что пенис и мошонка после смерти часто сжимаются. Каждый, кто обращал особое внимание на низкорослость и ожирение Наполеона, немного преувеличивал. Рост Наполеона равнялся 1,67 м, то есть, вероятно, соответствовал среднему росту французов тех дней. Данные о низкорослости, на которые при этом ссылаются, основываются на неточном переводе старой французской меры длины *pieds de roi*; измеренные при вскрытии французские пять футов и два дюйма при более правильном пересчете в английскую систему мер превращаются в пять футов и шесть с половиной дюймов, так что его подлинный рост соответствовал 1,692 м. Проведенные на Св. Елене в бездеятельности, обычно в сидячем положении, годы привели к тому, что Наполеон стал посмеиваться над своей солдатской неук-

люжестью и гладкой кожей: он говорил, что женщина позавидовала бы его рукам и груди. Но нельзя с уверенностью исходить из того, что его физические изменения были неестественными. Многие гормонально нормальные мужчины имеют лишь скудный волосяной покров тела, и у них образуются, как только они достигают среднего возраста, жировики над нетренированной грудью и лобковой костью. Даже Кембл, который верит в ослабление функций гипофиза Наполеона, с осторожностью оговаривает, что широкие бедра имели скорее предполагаемую, чем мнимую природу, и были скорее следствием жировых отложений, из-за которых плечи по сравнению с ними кажутся узкими. Руки Наполеона постоянно называют маленькими; неудивительно, что они становились неповоротливыми, как только начинал отлагаться жир. Наконец, мы должны учесть, что те, кто ожидал увидеть титана, были, может быть, разочарованы, встретив человека среднего роста средних лет, хилое тело которого медленно покрывалось жиром.

Также следует усомниться в «целомудрии», импотенции или бесплодии Наполеона, мнимых доказательствах проблем с гипофизом. Сексуальная жизнь Наполеона и при его жизни была темой постоянных пересудов, главным образом по той причине, что Жозефина не могла подарить ему наследника. От него забеременели две другие женщины, он почувствовал себя уверенным, взял вторую жену, и она от него зачала. У него были дети и от многих других любовниц. Он редко испытывал романтические порывы чувств — это относится к обеим его женам и к его польской возлюбленной графине Марии Валевской — в других случаях это было торопливое насилие. По всей видимости, секс для него был тем же, что и еда. Когда его деятельность как полководца и государственные дела давали ему передышку, он бросал их на самотек. Иногда он ронял замечания о своей «слабости в любовной игре» и комментировал своим доверенным лицам пересуды о его мнимом бесплодии. В этом контексте можно

сделать из его слов самое большое вывод о его временной психогенной импотенции, особенно в последние горькие годы его бездетного брака с Жозефиной. Короче говоря, Наполеон явно был неискусным, спорадическим любовником, которого больше прельщала власть, чем женщины, — он сам говорил: «Имя моей любовницы — Власть». Но он ни в коем случае не был ни импотентом, ни бесплодным, что многие тщетно пытаются доказать. Есть много достоверных рассказов о его сексуальных контактах с женщинами, и в своем завещании он упомянул не только своего законного наследника, но и двоих внебрачных детей.

Как в притче о слепых мудрецах и слоне, эти «многие» не отказываются от попыток замкнуться на одном органе Наполеона и упрямо оспаривать его способность к функционированию. Английский автор Шоу Десмонд утверждает в своей книге *Persanality and Power*, что Наполеон, будучи сам неспособен к зачатию, прибег к искусственному осеменению своей второй жены Марии-Луизы фон Габсбург. Никаких доказательств он не приводит. Праотец этой теории — кубинский врач по имени Диего Карбонель, который утверждал, что потомство Наполеона зачал один из «фаворитов» императора — слово «фаворит» он выбрал по той причине, что оно наводит на мысль о гомосексуальности. Доктор Фрэнк Ричардсон, также убежденный в бесплодии Наполеона, назвал недавно одного из братьев императора «породистым жеребцом голубых кровей». О Ричардсоне, который подозревал Наполеона в «бисексуальности» или «латентной гомосексуальности», еще пойдет речь позже.

Теории о дефектном гипофизе и порой странноватые выводы из них все основываются на фрагментарных и сомнительных доказательствах. Даже если согласиться с упрощенной аналогией, согласно которой железу можно сравнить с деталью машины, которая дико вращается и сгорает сама по себе, известен тот факт, что Наполеон в последние годы не проявлял летаргической меланхолии жертвы, характерной при недостаточном функциониро-

вании этого мозгового придатка. Вопреки всем изменениям личности, он оставался в эти времена удивительно энергичным и духовно гибким. На острове Эльба он от зари до полудня отнюдь не оставался бездеятельным, а потом для разрядки три часа скакал на коне. Полковник Нейл Кэмпбелл говорил: «Можно было подумать, он раскрыл тайну *perpetuum mobile*». Он мог снова обретать свою вдохновенную решительность. Когда он в 1815 году узнал, что высланному против него из Парижа полку приказано его остановить, он вышел вперед и сказал: «Если кто-то из вас хочет убить своего императора, то вот я». Солдаты опустили ружья и встали под его команду. Потом он собрал пятисоттысячное войско и грозился вторично завоевать Европу. Накануне битвы при Ватерлоо он инспектировал, после того как спал предыдущей ночью всего четыре часа, ранним утром, верхом, под проливным дождем, выдвинутые вперед посты, а потом приказал открыть огонь. До конца своей жизни он вызывал восхищение и делал лояльными даже своих врагов и охранников.

Изменение характера Наполеона и его энергии, которую многие называли демонической, психология и психоанализ объясняют лишь немногим лучше, чем медицина. Вильгельм Штекель, один из корифеев первых лет психоанализа, прославился, когда в своей книге *Impotence in the Male* занялся этим завоевателем. Он соотнес «гипертрофированное честолюбие» Наполеона с его «очень маленькими, и инфантильными, и недоразвитыми половыми органами».

Верной была только констатация чрезмерного честолюбия, а описание гениталий Наполеона целиком базировалось на «Данных вскрытия» Генри. В своей книге «Наполеон: бисексуальный император» доктор Фрэнк Ричардсон в 1973 году дал еще более сенсационный анализ. После крайне запутанного анализа духовной и сексуальной жизни Наполеона он пришел к выводу, что у Бонапарта были «гомосексуальные тенденции» или «незре-

лые гомосексуальные компоненты». (Эту мысль высказывал не один Ричардсон. За полстолетия до него она была высказана одним гомосексуалистом, скрывавшимся под псевдонимом «Нума Преторий», который обнаружил соответствующие тенденции у многих знаменитых людей.) Ричардсон зашел достаточно далеко, чтобы поместить Наполеона на ступень 3 разработанной Кинси шестиступенчатой шкалы гетеро-/гомосексуальности — на том основании, какое сам Кинси никогда не одобрил бы. Правда, Ричардсон поспешно добавляет, что поведение Наполеона никогда не соответствовало этим чертам характера: «Натуре Наполеона было бы чуждо опуститься до гомосексуальности». Он довольствуется этой жалкой формулировкой и намеками на то, что Наполеон любил — символически — щипать своих подданных за нос, чтобы объяснить это «бисексуальностью» императора; его гомосексуальность якобы была бессознательной или латентной. В действительности Наполеон терпимо относился к гомосексуальности, но считал ее презренной; его собственный гомосексуализм существовал, похоже, только в головах пары тех ученых, которые старательно его отыскивали.

В письмах Арнольду Цвейгу и Томасу Манну Фрейд осторожнее анализировал его характер. «Наполеон, — писал он Цвейгу³, — имел очень сильный комплекс Иосифа, он бессознательно стремился превзойти своего старшего брата Люсьена. Во многих исследованиях права по рождению показано, что структуры личности различны в зависимости от того, идет ли речь о первом, втором или последующих детях. Но эти исследования не имеют всеобщего

³ Здесь необходимо поправить автора. Томас Манн работал с 1933 по 1943 год над своей тетралогией, и это ему писал Фрейд 29 ноября 1936 года, что Наполеон «...бессознательно враждебно относился к своему брату (он был корсиканец), второму сыну в куче братьев и сестер. самого старшего из братьев до него звали Жозеф, и это обстоятельство стало, как бывает, когда в человеке сцепляются случайность и необходимость, роковым для него. В корсиканской семье привилегии самого старшего особенно священны... Мы можем предположить, что он жгуче ненавидел Жозефа (Фрейд. Письма 1873–1939 гг. Фишер, Франкфурт, стр. 425)». — *Прим. нем. перев.*

значения, иначе Наполеон ничем бы не отличался от миллионов других вторых по возрасту сыновей. Как минимум с таким же правом можно подчеркивать значение корсиканского происхождения императора: корсиканец в глазах многих французов — гражданин второго сорта.

Альфред Адлер со своими терминами «комплекс неполноценности» и «сверхкомпенсация» внес наибольший вклад во внедрение психограммы Наполеона в сознание общественности. Адлер представил Наполеона в виде боевого петуха, который компенсирует малый рост беспощадностью, дерзостью и, в конечном счете, тиранией. К этому он добавлял мнение о Наполеоне как о типичном втором ребенке, «неспособном выносить строгое руководство других... склонным верить, обоснованно или нет, что на земле нет силы, которую нельзя было бы преодолеть». Мы уже знаем, что Наполеон вовсе не был очень маленьким, но представление Адлера о малорослом тиране въелось в наше сознание, и еще сегодня атрибутом «наполеоновского типа» снабжаются активные невысокие люди. Грандиозным психотиком изображают Наполеона в фильмах и на сцене, но жизнь обычно превосходит искусство и фантазию. Великий чилийский поэт Пабло Неруда рассказывает, что Гватемалой в конце 30-х годов управлял военный диктатор по имени Урибе. У него был «наполеоновский комплекс. Он отпустил челку, свисающую на лоб, и часто фотографировался в знаменитой наполеоновской позе».

Одни психиатры называют Наполеона душевнобольным, другие пишут о его колоссальном нарциссизме. С ростом его власти у него развивалась мания величия. Во времена Первой империи он ссылал способных советников в глухие углы и окружал себя подхалимами. «Теперь, — писал Шатобриан, — он не говорит о народе, произведенную которым революцию он воплощал, а только о себе: “Я приказал, я завоевал, я сказал: мои орлы, моя корона, моя кровь, моя семья, мои подданные”». Раньше он выделялся среди роскошно одетых офицеров

скромной униформой, теперь он сам придумал для своей коронации костюм, увешанный драгоценностями, сам себя провозгласил императором, присвоил меч и инсигнии Карла Великого и заказал знаменитому Канове скульптуру: Наполеон изображался как полубог: обнаженным, с одним лишь фиговым листом. В 1808 году он заявил: «Бог даровал мне волю и власть, чтобы преодолеть все препятствия». В 1811 году он предрекал, что через пять лет ему будет принадлежать весь мир».

Многие авторы, в том числе Тьер, знаменитый историк XIX века, утверждают, что изменения личности Наполеона совпадали со злоупотреблением им властью. Хью Лестен называет стремление к завоеваниям и господству симптомами «болезни вождизма», другие называют ее цезаризмом или болезнью власти. Доктор Соколов, медик и биограф, установил непосредственную связь между психическим складом и телосложением Наполеона: смена энергии и плохого настроения, приступов ярости и потоков слез утомила эндокринную систему Наполеона и вывела ее из равновесия, из-за чего поведение Наполеона все больше ухудшалось — этот дьявольский круг сделал человека жертвой его системы внутренней секреции. У Цезаря и Александра Великого Соколов обнаружил такой же взрывчатый темперамент и такие же нервные симптомы, потому что он говорит: «Наследники одного и того же физиологического комплекса, суть которого в высокопарных воззрениях цезаризма, все они идут одним и тем же путем, все гибнут от избытка власти». Мысль, что чрезмерное честолюбие в какой-то мере имеет заданную точку краха, верна, и я тоже поверил бы охотно, что так оно и есть, к тому же эту мысль сформулировал автор, гораздо более знаменитый, чем Соколов: «Взявший меч, от меча и погибнет» (Евангелие от Матфея, 26, 52). К сожалению, история доказывает, что многие деспоты умирают только в преклонном возрасте.

Объяснения состоянием здоровья Наполеона его психики, изменений его личности и его смерти еще не

исчерпаны. Меньшинство склонно к той концепции, что тонкий, бледный Наполеон был вознесен к власти обусловленной туберкулезом судорожной экзальтацией. Когда он излечился от этой болезни и его перестали нести лихорадочные взмахи крыльев этой экзальтации, Наполеон превратился в обыкновенного человека со всеми его слабостями. Другие считают, что малярия — он якобы подхватил эту болезнь уже в молодые годы — постепенно ослабляла его конституцию. Третьи думают, что он страдал болезнью сердца, так называемым синдромом Адамса — Стокса; это мнение основывается на сомнительных рассказах о том, что у Наполеона был ненормальный медленный пульс, и он мог управлять его ритмом. Эти теории, как и теории о мнимом сифилисе, коварном отравлении, смертельной дизентерии или гепатите, имеют слабые места. Теории о том, что он страдал недостаточностью функций гипофиза, или о том, что неправильное лечение ускорило его смерть, также возможны, но недоказуемы; по моему мнению, больше аргументов говорит против них, чем за них. Бильгарциоз также не доказан, хотя я лично отдаю предпочтение этой теории. То же самое можно сказать и о паре других утверждений.

Концепция, которая выдвигается в новейшее время, может быть, слишком поспешно, исходит из эпилепсии в легкой форме. Соколов связывает болезнь власти с эпилепсией, которой в какие-то моменты страдали также Цезарь, Мохаммед и другие вожди. У Наполеона бывали обмороки, он терял сознание; то, что он был эпилептиком, впервые предположил почти сто лет назад антрополог Чезаре Ломброзо. Но немногие так называемые «припадки» Наполеона не сопровождалась типичными симптомами эпилепсии, так что эту болезнь нельзя рассматривать как основную предпосылку власти. Правда, его характер и история его болезней совместимы с мягкой, преходящей формой эпилепсии — например, приступы ярости по малейшему поводу, при которых он иногда катался по земле или бил себя по голове кулаками, или его

летаргия, или его психопатические боли в периоды повышенной активности или внутреннего напряжения. Но все эти теории остаются чисто умозрительными.

Продолжают утверждать, что Наполеон умер от разочарования и скуки. У этого тезиса тоже есть свои основания. Человек, который сотрясал мир, вынужден был проводить время как пленник на малюсеньком острове, не имея возможности сосредоточить свою энергию ни на чем, кроме местных сплетен и интриг. «Его убило бездействие», потому что он был Наполеоном. Лас Каз, автор воспоминаний о Наполеоне, заявил в 1823 году, что Наполеон действительно умер от отчаяния и безнадежности. Иммунологические и психосоматические исследования наших дней показывают, что есть связь между депрессией и подверженностью болезням, начиная с гриппа и кончая раком.

Все, кто пишет об изменениях характера Наполеона, слишком мало учитывают нормальный процесс старения — «нормальный» значит здесь обычный для человека с характером Наполеона и его жизненным опытом. Я знаю нескольких необыкновенно импульсивных и энергичных людей и наблюдал у них такие же изменения личности. Наполеон, в макиавеллиевском смысле, мастер политики и военного искусства, стал холодным и циничным, а в итоге выщелоченным. Какое-то время власть позволяла ему не замечать неприятных сторон реальности и навязывать другим свои настроения без сопротивления с их стороны. Он стал своевольным и узколобым тираном, как турецкий паша, каким представляют его себе дети. Но потом он, может быть, понял, что один из самых грязных трюков жизни — дать человеку все, чего он больше всего хотел. Многие всемогущие правители жаловались на безотрадную пресыщенность. Их честолюбие удовлетворено; поскольку они не могут отказаться от власти, они начинают жаждать чего-то другого, они ведут себя как мужчины, которые удерживают свою возлюбленную, хотя презирают ее. Они

знают грязную сторону власти, ее неизбежную жестокость, и не могут больше ее романтизировать. При странном стечении обстоятельств в борьбе за власть они становятся фаталистами. К концу жизни Наполеон стал видеть себя обломком камня, носящимся в пространстве, игрушкой судьбы. Наполеон в среднем возрасте это своеобразная смесь энергии и своеволия. Ненасытность и вялая духовная рассеянность напоминают, хотя это разные системы измерений, многих стареющих мужчин, с которыми я познакомился в годы, когда они обладали властью и вели роскошную жизнь.

Несмотря на все это, Наполеона нельзя низвести на уровень ходячей истории болезней. Вопреки всем недугам и прихотям, он обладал влиянием и нравственной силой, которые, по выражению историка Герберта Баттерфилда, «оставили после себя на одной из страниц книги истории яркий, как молния, след». Эта энергия и это влияние влекли к себе поколения ученых, которые демонстрировали смысл и бессмыслицу любой методики исторического анализа. Наполеон продолжает ускользать ото всех попыток упрощения. Он был деспот и мудрый реформатор; он разрушил стены европейских гетто и первым повел тотальную войну; для первого правового современного чиновничьего государства он был реформатором гражданского права, и на его реформах в большой степени и сегодня основываются европейская правовая жизнь; он стимулировал развитие образования и науки, но надеялся завоевать мир, переступив через миллионы трупов.

В результате истории построили множество теорий на трупе самого Наполеона, медицинских, психологических, экономических, общественных и политических теорий. Из него делали героя или изображали его чудовищем. Многие пытались изобразить его игрушкой биологических сил в отрыве от его собственного Я. Наполеоновский маршал Ней писал, что Великую армию в России победили голод и зима, историки медицины добавляли

к этому, что свою роль сыграл и тиф. Все они частично правы, как и те, кто ищет ответ в останках Наполеона.

Первейшая задача биоисториков — это, несомненно, внесение ясности, проверка вероятности того, что Наполеон был убит, выяснение вопроса, была ли его способность к суждению ослаблена из-за физических или психических недугов. Интерпретация фактов и вероятностей — самая трудная задача. Как попытка понять и оправдать настоящее и открыть перспективу будущего история переписывается каждым новым поколением. Историческое прошлое — это пробный камень для интерпретаций. Французский шовинист и почитатель Наполеона не смогут рассказывать нам небывлицы о том, что император умер на Св. Елене мученической смертью, если это не соответствует действительности. Тот же принцип доказательств действителен и для английского моралиста, который видит в болезни и падении Наполеона месть природы за его попытку бросить вызов британскому империализму. Психологи и философы не должны, не встречая возражений, использовать свои дикие домыслы о психическом и физическом состоянии Наполеона для подтверждения излюбленных теорий.

Специалист по болезням кишечника, который копается во внутренностях Наполеона; уролог, который сосредотачивается на его мочевом пузыре; психоаналитик, который ищет объяснение в его детстве, — все они могут внести свой вклад в поиск исторической истины и открыть новые возможности интерпретации. К сожалению, приходится считаться с тем, что сосредоточенность лишь на одной черте характера остается на уровне интеллектуальной болтовни или умного анекдота. Оправданно или нет, мы сначала с готовностью восхищаемся, а потом становимся скептиками, потому что нужно нечто большее, чем запор, паразиты или соперничество с братом, чтобы всеобъемлюще объяснить человека или событие. Дополнительные «вскрытия» Наполеона продолжают, надежных «данных» мы, может быть, никогда не получим.

В настоящее время эти попытки дают определенные пояснения, открывая при этом пару интересных возможностей. К этому добавляются кое-какие нелепости и необыкновенные высказывания. Одновременно эти попытки служат примером границ с медицинской точки зрения — это в любом случае относится к расхожим методам анализа. Ложные пути или многозначность — забота будущих биоисториков, они должны улучшить эти методы, сделать анализ более тщательным, обуздать фантазию и расширить свой кругозор. Что это осуществимо, показывает следующая глава.

Но, прежде чем распространиться с Наполеоном, мы должны в заключение еще раз осветить вопрос, который издавна ставят традиционные биографии: надо ли было чесаться, чувствуя зуд. Вопрос «как пошла бы история, если...» относится к области желаемого и рождает самые удивительные мнения. Наполеон якобы мог бы выиграть битвы при Бородино и Ватерлоо, если бы он не был болен. Лишь немногие сомневаются, что ухудшение состояния здоровья Рузвельта повлияло на результаты Ялтинской конференции или что долголетие Тито или Франко повлияло на формирование Европы в XX веке. Вопрос в размере влияния. Ответ может меньше зависеть от неопровержимых доказательств, чем от убеждений и взглядов на жизнь отдельных личностей.

Вот уже два тысячелетия многие или большинство историков исходят из той точки зрения, которую представлял Томас Карлейль в своей теории «великих людей»: необыкновенные личности подобны маякам, указывающим путь человечеству. В прошлом веке популярность этой теории уменьшилась. В «Войне и мире» Толстой попытался на примере Наполеона доказать, что не великие вожди и не элита — движущая сила истории, а исходящая от народных масс энергия, поток, который увлекает бесчисленных противостоят ему генералов и властителей. Он говорит о «простуде» (или о другом заболевании), из-за которой Наполеон при Бородино уступил пост главно-

командующего, и указывает на значение случайности как элемента, определяющего события. Пошла бы история иным путем, если бы Наполеон при Бородино был в полном обладании сил? Как русский патриот и приверженец мистической концепции силы «народа» Толстой считал, что если это так, то подлинным спасителем России был тот слуга, который забыл высушить сырые сапоги Наполеона. Мысленно мы можем сопоставить Карлейля, Толстого и бесчисленных современных детерминистов, начиная с марксистов и кончая догматиками-психоисториками. Я бы добавил к ним Стендаля. Толстому, заявившему, что слуга спас Россию, Стендаль, возможно, ответил бы лукаво: «Такое могло быть». Есть одна военная история, рассказанная Стендалем. Один офицер, когда его люди заколебались в бою и подумывали о бегстве, выскочил в отчаянии вперед, размахивая саблей и крича в возбуждении первые слова, которые пришли ему в голову: «За мной, люди, моя задница круглая, как блестящее красное яблоко!» Что-то из этой импровизированной команды попало в точку, его люди пошли в атаку и победили. Почему именно такие слова? Почему именно такая реакция? Какой особый источник стимулов сработал? Да, большинство профессоров истории, пожав плечами, обойдет эти вопросы и будет искать «подлинные» социально-экономические корни победы. Ионас⁴ сказал, что этот офицер применил словесную стратегию, которая благодаря ошеломляющей формулировке повлекла за собой необычную реакцию. «Теоретики великих людей» поспешно сделали бы из этого пример и написали что-нибудь об этом офицере. Толстой, вероятно, сказал бы, что этого офицера побудили сделать так его войска. А Стендаль предположительно улыбнулся бы, скептической, но тем не менее понимающей улыбкой, и дал бы знать, что жизнь его не раз ошеломляла и он научился уважать случайное и загадочное.

⁴ Ионас, А. Д. Слово — золото. — Швейцарское издательство, 1978 год.

ГОЙЯ БЕЗ СИФИЛИСА

Биоистория как открытие

Когда ему было сорок шесть лет, Франсиско Гойю сразила таинственная, мучительная болезнь, которая чуть его не убила. Выздоровев, он стал совершенно глухим, а его личность и искусство изменились. До этого он был талантливым, успешным, но скорее традиционным художником, а с больничного ложа встал революционный гигант романтического искусства.

Первоначальное подозрение, что болезнью Гойи стал сифилис, все время меланхолически повторяли изображавшие из себя биоисториков биографы и врачи. Оглядываясь назад, думаешь, что даже не очень умный студент-медик должен был бы в этом усомниться. В конце концов нашлось лучшее объяснение, причем именно в то время, когда красили мосты через Рейн, его нашел молодой врач из службы здравоохранения Дюссельдорфа. Его данный задним числом диагноз болезни Гойи — прекрасный пример биоисторического открытия. Он показывает, что корректировка биографии с медицинской точки зрения может начаться с констатации незначительного факта и породить вопросы о методах биоистории, о профессиональных и обусловленных средой заболеваниях и о сути личности и творческой одаренности.

Полной биографии Гойи до сих пор нет. Как и Пикассо, его современное подобие, Гойя жил и работал с такой неукротимой энергией и творческой силой, что для описания его жизни и творчества надо будет потратить целую жизнь на подготовительную работу. Мы знаем, что Гойя родился в 1746 году в Фуэндетодосе, пыльной деревушке недалеко от Сарагосы, и был сыном ремесленника, занимавшегося золочением. Сарагоса некогда была столицей гордившегося своей независимостью королевства Арагон. И сегодня арагонцы славятся